

Совсем иначе подходит к теме Н. Д. Кочеткова. Избегая общих построений, она строго, как четки, перебирает известные звучания темы *суда* и *милости* в русской публицистике и поэзии XVIII века, и эта строгая простота позволяет услышать тему уже у Феофана Прокоповича, сначала в «Слове в день святого благоверного князя Александра Невского» (1718), затем в его латинской оде Петру II (1727). За ним следуют В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, Сумароков, Фонвизин, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, А. Н. Радищев, и лишь в финале статьи как дальняя и заветная цель упоминается строка пушкинского «Памятника»: «...И милость к падшим призывал». Так выстраивается ряд от Феофана Прокоповича к Пушкину; ряд, замечательный тем, что означает одну непрерывную традицию, и тем, что восходит к Прокоповичу, а у него неприкрыто к стиху 100 псалма («Милость и суд воспою Тебе, Господи...»), всем в XVIII веке известного. В этом контексте категория милости и сама диада *суда* и *милости* не может истолковываться в свете будущего либерализма; напротив, оказывается ясным ее генезис в традиционалистском, средневековом понимании крепости государства и роли государя, которое на Руси наиболее выразительно было сформулировано в 1520 – 1530-х годах боярином Федором Карповым: «Милость бо без справки малодушество есть, а правда безъ